

Часть вторая СИНТАКСИС

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Словосочетание

Предварительные замечания.

Общеизвестно, что синтаксис остается до сих пор менее изученным разделом сравнительно-исторического языкознания. В последнее время предпринимаются в этой области удачные попытки, в частности имеется уже ценный опыт построения сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков, представляющий по своим общетеоретическим установкам и предлагаемым методическим приемам значительный интерес для разработки синтаксиса других генетических групп и семей языков /Гаджиева, Серебренников, 1986/.

Хотя попытки создания сравнительно-исторического синтаксиса немногочисленны, в советском и зарубежном языкознании встречается немало исследований, посвященных историческому изучению синтаксиса и реконструкции синтаксических архетипов. В этих работах реконструкция синтаксических единиц, за редкими исключениями, опирается на письменные памятники. Естественно, что на реконструкцию синтаксических явлений языков, не обладающих давними письменными традициями, накладываются определенные ограничения.

В данной монографии автор не ставит задачи всестороннего сравнительно-исторического анализа синтаксической системы адыгских языков. В этом разделе /в какой-то мере подготавливающим теоретическую и методическую базу для создания в будущем сравнительно-исторического синтаксиса

исследуемых языков/ исследуются лишь некоторые основные явления синтаксиса словосочетания и предложения, характерные для общеадыгского языка, а также их отношения к более ранним праязыковым состояниям — адыгско-убыхскому и западнокавказскому. Вопросы синтаксической реконструкции /моделей словосочетаний и простого предложения/ решаются в рамках относительной хронологии, что диктуется отсутствием письменных памятников давней традиции. Рассматривается эргативная конструкция, в статусе и эволюции которой многое еще остается неясным. Мы разделяем следующее положение, реализуемое в целом ряде исследований: "Путь реконструирования синтаксических моделей должен начинаться, следовательно, с выделения двучленных словосочетаний, прослеженных в своем историческом развитии в сравниваемых языках, определения общих моделей их образования и обнаружения взаимозависимости синтаксических и морфологических особенностей этих моделей" /Ярцева, 1959, 97/. В этой связи заметим, что если по вопросу разграничения словосочетания и предложения существуют более или менее общепризнанные критерии, то этого нельзя сказать о дифференциальных признаках словосочетания и слова. В теоретическом языкознании этот вопрос не получил еще однозначного решения. Семантические и фонетические критерии, широко используемые специалистами разных языков при разграничении синтаксических и лексических единиц, в частности словосочетаний и слов, оказываются непригодными или недостаточными применительно к западнокавказским языкам. В настоящей работе не обсуждается эта проблема, а принимаются ранее предложенные автором структурные критерии выделения словосочетания и слова /Кумахов, 1963/.

Разные авторы кладут разные принципы в основу самой классификации словосочетаний. В монографии принят "тот критерий классификаций словосочетаний, согласно которому учитывается /в первую очередь/ грамматический разряд главного формирующего члена, а также и зависимого компонента" /Гаджиева, 1973, 14/.

1. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН - СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ - ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Западнокавказские языки в их современном состоянии различаются с точки зрения строения атрибутивного словосочетания типа "главный член - существительное, зависимый - количественное числительное". Ср. абаз. пшь-сом-к1 'четыре рубля' /пшь- 'четыре'//, абх. бжь-шук1 'семь человек' /бжь- 'семь'//, убых. т1кь1уакь1ап1а 'две руки' /т1кь1уа 'два'//, адыг. мэфибл 'семь дней' /бл 'семь'//, каб. мэзибгъу 'девять месяцев' /бгъу 'девять'//.

Как видно, члены рассматриваемого типа атрибутивного словосочетания занимают неодинаковую синтаксическую позицию во всех западнокавказских языках: в абхазском, абазинском, убыхском существительное является постпозитивным членом, а количественное числительное - препозитивным, в адыгейском и кабардинском языках, напротив, главный член словосочетания - существительное занимает препозицию, а зависимый член, т.е. числительное - постпозицию. Естественно, возникает вопрос: какая синтаксическая модель анализируемого типа словосочетания должна быть отнесена к праязыковому состоянию. Решение вопроса осложняется как отсутствием ранних письменных памятников, так и данных внешней реконструкции. В данном случае было бы бесполезным обращение к синтаксической типологии, поскольку в языках различных систем исходным оказывается сплошь и рядом то модель "существительное + числительное", то модель "числительное + существительное".

Имеются, однако, некоторые данные внутренней реконструкции, позволяющие выяснить праязыковое синтаксическое строение интересующего нас типа словосочетания. Прежде всего обращает на себя внимание сосуществование в одном и том же языковом ареале разных синтаксических моделей анализируемого типа атрибутивных словосочетаний. Речь идет об адыгских языках, сохраняющих наряду с моделью "существительное + количественное числительное" также модель "количественное числительное + существительное".

В адыгских языках синтаксическая модель словосочетания с препозитивным числительным возможна в том случае, если в этой позиции выступает количественное числительное зы 'один'. Все другие количественные числительные, за исключением зы 'один', занимают постпозицию. Иными словами, в адыгских языках числительное зы 'один' разделяет синтаксическое положение, занимаемое количественным числительным в абхазском, абазинском и убыхском. Ср. адыг. зы уын 'один дом', зы шыуыз 'одна женщина', каб. зы уанэ 'одно седло', зы шIалэ 'один юноша'.

Синтаксическая модель "числительное зы 'один' + существительное" в адыгских языках находит параллели в ряде топонимических названий. К ним относятся адыг. ТIуапс /шапс. ТIкыIуапсэ/ 'Туапсе', букв. 'Двуречье', ТIуапIкI 'Туапч' /название реки, впадающей в Псекупс/, ТIуабгъу 'Туабгу' /название реки/ и др. В указанных топонимических названиях в качестве препозитивного члена вычленяется основа, восходящая к числительному тIуы ← *тIкыIуы 'два'. К ним примыкают адыг. тIуачI, каб. тIуашIэ – топонимическое название мест, находящихся между двумя реками. Заслуживают внимания также нетопонимические названия типа адыг., каб. тIуанэ 'вторая жена' /ср. каб. тIуанэ тешIэн 'жениться второй раз при наличии первой жены'/.

Нет сомнения в том, что как модель "числительное зы 'один' + существительное", так и топонимические названия типа ТIуапс 'Туапсе', ТIуабгъу 'Туабгу' с препозитивным членом тIу /← тIуы ← *тIкыIуы/ 'два' сохраняют исходное синтаксическое строение. На наш взгляд, для западнокавказского языкового единства следует реконструировать конструкцию с препозицией количественного числительного. Состояние западнокавказского единства продолжают абхазский, абазинский и убыхский. Адыгские языки демонстрируют явление, возникшее в период после распада западнокавказского языкового единства, если не считать модели "числительное зы 'один' + существительное" и некоторых топонимических названий, отражающих синтаксическое строение рассматриваемого типа словосочетаний, восходящее к праязыковому состоянию.

Вместе с тем изменения в строении словосочетаний с зависимым числительным не чужды и другим западнокавказским языкам, хотя в этом отношении адыгские языки в целом остаются зоной инновации. Так, в абазинском языке, начиная с двадцати, отмечается изменение порядка членов словосочетания: чы г1уажуа букв. 'лошадей двадцать', сом хьынг1уажуыхъу букв. 'рублей сорок пять'. Если принять во внимание, что абхазский и убыхский языки и после двадцати сохраняют традиционный словопорядок /ср. абх. џуажуа чы 'двадцать лошадей', убых. ат1кы1уат1уы куабжъа 'двадцать человек'/, то постпозиция числительного в абазинском языке может быть объяснена влиянием кабардинского языка. Вместе с тем анализ материала показывает, что имеются некоторые общие тенденции, связанные с динамикой синтаксического строения словосочетаний с зависимым количественным числительным. Здесь прежде всего обращает на себя внимание варьирование словопорядка после девятнадцати. Так, в абхазском языке возможны варианты: џуажуа джма, джма џуажуа 'двадцать коз', џуажуа уаса, уаса џуажуа 'двадцать овец', хотя между ними имеются различия в плане употребительности и стилистической дифференциации. Ср. также: џуажуихъуба джма, джма џуажуихъуба 'двадцать пять коз', џуажуихъуба уаса, уаса џуажуихъуба 'двадцать пять овец'.

Среди вариантов словосочетаний разбираемого типа встречаются не только локальные и стилистически маркированные образования, но и явно окказиональные формы, что характерно для варьирования моделей словосочетаний и других синтаксических единиц. Приходится, к сожалению, констатировать, что остается еще неисследованным синтаксическое варьирование словосочетаний с зависимым сложносоставным числительным в абхазско-адыгских языках, не выявлены все вариантные конструкции, их стилистические и диалектные особенности, представляющие интерес для изучения истории сложения и развития разных типов словосочетаний.

Заметим, что сдвиги в строении словосочетаний с количественными числительными наблюдаются и в убыхском языке.

Ср., например, убыхские вариантные конструкции: tíkyluatluy куабжьала шьхала 'двадцать пять человек' /букв. 'двадцать-человек-и-пять'/, но tíkyluatluala pllly куабжьала 'двадцать четыре человека' /Dumézil, 1959, 37/ /букв. 'двадцать-и-четыре-человек-и'/, где существительное в одном случае инкорпорируется в состав сложного числительного, а в другом — остается постпозитивным членом.

Характерно, что в адыгских языках после двадцати существительное также включается внутрь сложного числительного, как это наблюдается в убыхском языке. Но отличие адыгских языков от убыхского состоит в том, что существительное после двадцати остается также препозитивным членом, т.е. одновременно занимает препозицию и инпозицию: каб. цыху тлошпрэ цыхунтхурэ 'двадцать пять человек', букв. 'человек-двадцать-и-человек-и-пять-и'. Кроме того, указанная конструкция сосуществует с конструкцией цыху тлошпрэ тхурэ 'двадцать пять человек', букв. 'человек-двадцать-и-пять-и'. Вообще в адыгских языках варьирование синтаксического строения словосочетаний с зависимым числительным после двадцати довольно разнообразно и никем не описано даже в синхронном плане. Ср. каб. цыху шьэ-шпрэ цыхуишпрэ 'тридцать три человека', букв. 'человек-тридцать-и-человек-и-три-и', цыху шьэшпрэ шьырэ 'тридцать три человека', букв. 'человек-тридцать-и-три-и', цыху тлошпрэ цыху пыьклуишпрэ 'тридцать три человека', букв. 'человек-двадцать-и-человек-тринадцать-и', цыху тлошпрэ пыьклуишпрэ 'тридцать три человека', букв. 'человек-двадцать-и-тринадцать-и'.

Как видно, значение 'тридцать три человека' может быть выражено четырьмя синтаксическими моделями, выступающими в качестве вариантных конструкций. Подобные варианты синтаксической единицы выражения, с которыми устойчиво соотносится один и тот же референт, — ареальное новообразование. В данном случае рассматриваемые синтаксические варианты образованы на кабардинской почве. Заметим, что каждый синтаксический вариант представляет собой и новую синтаксическую модель, поскольку каждый раз меняется

строение синтаксической конструкции.

Из двух синтаксических моделей типа цыху тлошрэ цыхуитхурэ, цыху тлошрэ тхурэ 'двадцать пять человек' исходной является последняя модель. Она /исходная модель/ построена без редупликации имени существительного, т.е. без включения повторяемого слова внутрь сложного количественного числительного. Модель цыху тошрэ тхурэ 'двадцать пять человек', бесспорно, восходит к общеадыгскому единству.

Однако разбираемая общеадыгская модель словосочетания явно вторична: она создана путем перестановки членов словосочетания типа 'двадцать-и-пять-человек-и', что представлено в убыкском языке: ткыхуатла-ла пилы куабжыа-ла 'двадцать четыре человека' букв. 'двадцать-и-четыре-человек-и'. В этой синтаксической модели /она может быть отнесена к адыгско-убыкскому хронологическому уровню/ союзным аффиксом оформляются первая часть сложного числительного /ткыхуатла-ла 'двадцать и'/ и постпозитивный член-существительное /куабжыа-ла 'человек и'/, а вторая часть препозитивного члена /числительного/ имеет нулевую форму, хотя вне сочетания с постпозитивным существительным повторяющийся суффикс присоединяется к числительному пилы 'четыре', т.е. ко второму компоненту сложного числительного: убых. ткыхуала-ла пилыла 'двадцать четыре' /модель повторяется в адыгских языках: адыг. тлочырэ пилырэ, каб. тлошрэ пилырэ 'двадцать четыре', букв. 'двадцать-и-четыре-и'/.

В адыгских языках, начиная от двух до десяти /включительно/, существительное сочетается с постпозитивным числительным с помощью соединительного элемента и ^{*}й/ы/: адыг. уынитлу 'два дома', каб. цыхуиш 'три человека', адыг. чэмих 'шесть коров', каб. йыльэсипш 'десять лет'. Как видно, оба члена словосочетания фонетически сливаются в единый комплекс и утрачивают конечные гласные: адыг. уынитлу ← ^{*}уыне-й-тлу 'два дома', чэмих ← ^{*}чэмы-й-хы 'шесть коров'. В том случае, если словосочетание "существительное + числительное" разделяется другим словом

/например, определением, выраженным прилагательным/, то последнее сливается с числительным с помощью соединительного -и-, а существительное выступает в чистой основе: каб. пшьэшьэ дэхипл1 /←^хпшьашэ дахэ-й-пл1ы/ 'четыре красивые девушки'; ср. также в том же значении пшьэшьэ дахэу пл1ы.

Подобным же образом сочетается с препозитивным существительным /или определительным словосочетанием/ количественное числительное шьэ 'сто': адыг. ц1ыфишьэ 'сто человек', каб. фыз1шьэ 'сто женщин', уынэ дэх1шьэ 'сто красивых домов'. Иными словами, в словосочетаниях с числительными соединительный элемент -и- появляется лишь в том случае, если постпозитивное числительное фонетически является односложным словом открытого типа; ср. адыг. тхыльишь 'три книги', тхыль ц1ык1уишь 'три маленькие книги', но тхыль пл1ык1уишь 'тринадцать книг', тхыль т1оч1 'двадцать книг'. Отсюда можно заключить, что соединительный элемент, наличествующий лишь при односложных постпозитивных числительных открытого типа имеет фонетическое происхождение. Однако разбираемый соединительный элемент в словосочетаниях трудно отделить от материально тождественного соединительного элемента в сложных числительных типа адыг. т1оч1-и-т1у 'сорок', т1оч1-и-шь 'шестьдесят', адыг. шь-и-т1у, каб. шь-и-т1 'двести', адыг. шь-и-шь, каб. шь-и-шь 'триста' и др. В этих же числительных соединительный элемент -и- сближается с аналогичным афф. -и- сложных числительных других родственных языков: абх., абаз. жу-и-пшь 'четырнадцать', абх. жу-и-бжь, абаз. жу-и-бжь 'семнадцать', абх. шуажуе-и шуба, абаз. шуажу-и уба 'двадцать два' и др. Поэтому абхазско-абазинский соединительный афф. -и-, по-видимому, следует сближать не с общеадыгским -рэ и убыхским -ла в числительных /Dumézil 1932, 68/, а с указанным общеадыгским соединительным -и- в тех же числительных и в словосочетаниях типа адыг. уын-и-шь, каб. уын-и-шь 'три дома'.

Говоря об относительной хронологии вторичной синтаксической модели /"существительное + количественное числи-

тельное"/, нет оснований утверждать, что в адыгских языках преобразование исходного /западнокавказского/ порядка следования компонентов словосочетания относится к позднейшим инновациям. В целом рассматриваемое явление — переход модели "количественное числительное + существительное" → "существительное + количественное числительное" — адыгское новообразование. Но сам факт чрезвычайной устойчивости постпозитивного количественного числительного /за исключением зы 'один'/ в рассматриваемом типе словосочетаний, а также его повсеместное распространение с охватом всех адыгских диалектов и говоров свидетельствуют о том, что преобразование структуры исходной /западнокавказской/ синтаксической модели имело место в эпоху общеадыгского языкового единства. Иначе говоря, нет достаточных оснований приписать общеадыгскому состоянию только препозицию количественных числительных, а постпозицию последних к позднему периоду самостоятельного существования адыгских языков. Синтаксическая модель "существительное + количественное числительное", хотя и возникла на адыгской почве, все же не может быть отнесена к поздней эпохе индивидуального развития адыгских языков, а возводится к явлениям общеадыгского языка. Что касается модели "количественное числительное + существительное", восходящей к западнокавказскому состоянию, то в адыгских языках, как отмечалось, сохранились лишь ее пережитки.

Реконструируемая модель словосочетания "количественное числительное + существительное" отличается тем, что существительное выражено формой единственного числа, хотя оно выражает значение множественности предметов. В этом отношении западнокавказские языки обнаруживают широкие типологические параллели в языках разных систем /Гаджиева, 1973, 64/.

Если зависимый член — порядковое числительное, то последнее, как правило, занимает препозицию в современных адыгских языках: адыг. йаььэ́нэ́рэ маф 'третий день' /йаььэ́нэ́рэ 'третий'/, аб. йэ́ханэ́ маэ́ 'шестой месяц' /йэ́ханэ́ 'шестой'/ . Порядковое числительное выступает препо-

зитивным членом разбираемого типа словосочетаний и в других западнокавказских языках: убх. tíkyluaxə rχəšu 'вторая жена', абх. axpətluy əclə wuy 'третий ученик'.

Есть основания полагать, что модель атрибутивных словосочетаний "порядковое числительное + существительное", представленная во всех западнокавказских языках, восходит к праязыковому состоянию.

Вместе с тем рассматриваемая модель словосочетания характеризуется вариативностью своего строения. В адыгских языках порядковое числительное может быть также постпозитивным членом словосочетания: каб. уыңэ йэщъанэ букв. 'дом третий', жыг йэпlланэ букв. 'дерево четвертое', махуэ йэбгъуанэ букв. 'день девятый'. Изменение порядка членов рассматриваемого типа словосочетаний влечет за собой лишь изменение стилистической функции. Однако стилистически нейтральной может быть не только модель "порядковое числительное + существительное", но и модель "существительное + порядковое числительное". Так, в предложении Ар махуэ йэтlуанэм кlэқlуашь 'Он пришел на второй день' словосочетание махуэ йэтlуанэм букв. 'день второй' никак нельзя отнести к стилистически нейтральным единицам, в то время как в предложении Ар йыльэс йэпlшланэм хэхъашь 'Ему пошел десятый год' словосочетание йыльэс йэпlшланэм букв. 'год десятый' является общеупотребительным, т.е. немаркированным в стилистическом отношении. Как видно, одна и та же синтаксическая модель словосочетания /"существительное + порядковое числительное"/ может быть стилистически нейтральной и стилистически маркированной. При этом подобная речевая реализация анализируемой модели словосочетания имеет широкое распространение в современных адыгских языках и диалектах. Можно сделать вывод, что модель "существительное + порядковое числительное", хотя и вторична, т.е. производна от исходной западнокавказской модели "порядковое числительное + существительное", восходит к общеадыгскому состоянию.

Словосочетания типа "существительное + неопределенно-количественное числительное" характеризуются чрезвычайной

устойчивостью своего строения в адыгских языках. Ср. адыг. избгырэ зауылэ 'несколько человек', каб. махуэ зыкълom 'несколько дней'. Изменение порядка членов словосочетания невозможно без изменения грамматической формы главного члена — существительного. Ср. каб. Зыкълom ш1алэу, зыкълom хьыджэбзу кызк1уашь 'Несколько парней и несколько девушек пришли'. Однако по своему значению и синтаксическим связям между членами словосочетания модель типа ш1алэ зыкълom 'несколько парней' отличается от модели типа зыкълom ш1алэу букв. 'как парни несколько'.

Устойчивость модели типа "существительное + неопределенно-количественное числительное" позволяет отнести ее к общеадыгскому состоянию, хотя сами числительные типа адыг. зауылэ, каб. зыкълom 'несколько' трудно считать общеадыгскими.

2. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ — ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

А. Модель "существительное + качественное прилагательное" характерна для всех адыгских диалектов. Порядок расположения компонентов анализируемой модели отличается устойчивостью в современных адыгских языках: адыг. хьалыгъу фыжь 'белый хлеб' /хьалыгъу 'хлеб'/, каб. шыбжый пльжь 'красный перец' /шыбжый 'перец'/. Зависимыми членами, стабильно занимающими постпозицию, выступают не только прилагательные, образованные с помощью специальных аффиксов, но и имена качества типа адыг., каб. дахэ 'красивый', пагэ 'гордый', адыг. йыны, каб. йын 'большой', адыг. лхъанчэ, каб. лхъхъшэ 'низкий' и др.

Модель "существительное + качественное прилагательное /или имя-качество/", бесспорно, восходит к общеадыгскому состоянию. Более того, тотальное распространение рассматриваемой модели во всех западнокавказских языках и диалектах позволяет сделать вывод об отнесении ее к более раннему хронологическому уровню; ср. убых. бзы-ры

'теплая вода' /бзы 'вода'/, абх. аууи ду 'большой дом' /аууи 'дом'/, абаз. г1уыч1уг1уыс бзи 'хороший человек' /г1уыч1уг1уыс 'человек'/ . Выражение определения постпози- тивным качественным прилагательным может быть приписано западнокавказскому состоянию.

В адыгских языках, как и в других западнокавказских языках, встречается также препозитивное употребление ка- чественного прилагательного в определительных словосоче- таниях или основах качественного прилагательного в опре- делительных сложных словах, что свидетельствует об изме- нении их исходной синтаксической структуры. К ним отно- сятся словосочетания и лексемы, характеризующиеся тожде- ственным синтаксическим строением. Так, общеадыгские сложные слова типа л1ыжъ 'старик' /ср. адыг., каб. л1ы 'мужчина', адыг., каб. жъы 'старый' /, адыг. шыч1э, каб. шыш1э 'жеребенок' /ср. адыг., каб. шы 'лошадь', адыг. ч1э, каб. ш1э 'молодой' / этимологически возводятся к ат- трибутивным сочетаниям, образованным по модели "имя суще- ствительное + имя качества /качественное прилагательное/". В атрибутивных словосочетаниях качественное прилагатель- ное является постпозитивным членом, что видно из строения сложных слов приведенного типа. Наряду со сложными слова- ми с постпозицией основы качественного прилагательного выделяется группа сложных слов с препозицией основы ка- чественного прилагательного. Небольшое число сложных слов разбираемого типа, приведенное в одной из наших работ /Кумахов, 1964, 116/, было дополнено А.Н.Абреговым и Дж. Н.Коковым, причем весьма убедительными примерами, под- тверждающими возможность употребления основы прилагатель- ного в качестве препозитивного члена именных компонентов /Абрегов, 1971; Коков, 1973, 1977/. Речь идет о сложных единицах типа каб. жышъхъэ 'на старости лет', Нэхудыгъэ /женское имя/, Нэхуынэ /женское имя/, букв. 'светлогла- зая', адыг. птыжышъуэ, каб. птыжыфэ 'красноватый', букв. 'красного цвета', адыг. фыжышъуэ, каб. хуыжыфэ 'светловатый, беловатый', букв. 'белого цвета', адыг. гъуэжышъуэ, каб. гъуэжыфэ 'желтоватый', адыг. ш1уэ-

йышъуэ, каб. ф1эйыфэ 'грязноватый', адыг. 1эш1уыбзэ 'сладкоречивость', ш1уыгуашъэ 'теща', ш1уыпшы 'тесть', дэхэнапцэ 'шиповник', каб. дэхэкупсэ 'чернокорень' /растение/, каб. дэхэтхэмлэ 'белена', адыг. дэхэуыжы 'ласка' /животное/, адыг. ш1уэйыкъуэ 'Большое Псеушко' /название села/, Дыджыпс 'Диджипс', букв. 'горькая вода', Гъуэпсы 'Гопсы' /название родника/, букв. 'желтая вода', Ч1ыхъашъхэ 'Чихашка' /водораздельный хребет между р. Белой и Шахе/, букв. 'длинная вершина' и др.

Приведенный материал свидетельствует о наличии группы слов с препозицией основы качественного прилагательного. На наш взгляд, это положение, разделяемое и другими исследователями /Дж.Н.Коковым и А.Н.Берзеговым/, не нуждается в специальных пояснениях и уточнениях. Однако в связи с тем, что в специальной литературе в категорической форме высказано противоположное мнение, целесообразно более подробно остановиться на этом вопросе.

Положение о невозможности существования в адыгских языках сложных слов с препозицией основы качественного прилагательного формулируется следующим образом: "...материал адыгского словообразования не подтверждает мнения о возможной препозитивной постановке качественных определений в адыгских языках. Это и понятно: для адыгских языков постпозиция этих определений является исходной" /Шагиров, 1977, 56/. Заметим, что исходность постпозиции качественных определений не может служить аргументом, подтверждающим отсутствие случаев их препозитивного употребления. Если бы исходное состояние всегда оставалось бы исходным, неизменным, то это означало бы просто застой, отрицание факта развития языковой структуры.

Изменение места препозитивного /и постпозитивного/ члена определительного словосочетания — вовсе не редкое явление в языках самых различных типов.

Не следовало бы также смешивать разные явления — понятия основы и слова. Когда речь идет о слове, в том числе о сложном слове, мы имеем дело не с препозитивным словом, а с препозитивной основой качественного прилагательного.

В сложных словах /лексических единицах/ препозитивным или постпозитивным членом выступает не слово, а основа, хотя фонетически основа часто совпадает со словом. Но фонетическое тождество этих разных языковых единиц не влияет на их грамматические различия.

Дело однако не только в этом. Точка зрения, согласно которой вторые компоненты сложных слов типа адыг. плъжьышъуэ, каб. плъжьыфэ 'красноватый', адыг. гъуэжьышъуэ, 'желтоватый', каб. жьышъхъэ 'на старости лет' рассматриваются как аффиксы, не может быть принята ввиду ее несостоятельности. Адыг. шъуэ, каб. фэ, каб. шъхъэ в этих сложных словах остаются основами, т.е. вторыми компонентами сложных слов. Фонетически и лексически адыг. шъуэ, каб. фэ, каб. шъхъэ отчетливо сохраняют связь с самостоятельными словами шъуэ, фэ 'цвет', шъхъэ 'голова'. Что же касается семантического несоответствия сложных слов разбираемого типа сумме значения их составляющих частей, то здесь нет ничего необычного: все идиоматичные сложные слова /а они имеют широкое распространение в языках различных типов/ семантически не выводятся из суммы значения составляющих их частей. Адыг. псыцу, каб. хъв 'буйвол', рус. овцебык, англ. *railway* 'железная дорога' идиоматичны, т.е. семантически не покрывают суммы значения их частей. От этого однако части сложных слов не становятся аффиксами.

Но если даже предположить, что адыг. шъуэ, каб. фэ, каб. шъхъэ в разбираемых сложных словах перешли в аффиксы, то и в этом случае не меняется положение вещей. Ведь не подлежит сомнению, что адыг. шъуэ, каб. фэ, каб. шъхъэ /и в том случае, если они преобразованы в аффиксы/ все же восходят к основам самостоятельных слов /не сразу же осуществляется переход основы в аффикс, а в результате длительного исторического времени/. Иными словами, и в этом случае пришлось бы принять положение о существовании группы сложных слов с препозицией основы качественного прилагательного в истории адыгских языков.

Заслуживают внимания соотносительные сложные слова в

других западнокавказских языках. В абхазском и абазинском языке компоненты сложных слов в значениях 'красноватый', 'желтоватый', 'беловатый' и под. сохраняют традиционный порядок. Ср. абх. ацукы¹-агыш, 'красноватый', ацукы²ужь 'желтоватый' и др., где препозитивным членом выступает основа ацукы 'кожа, цвет', генетически связанная с адыг. шъуэ, каб. фэ 'цвет, кожа'. Абхазский препозитивный член /а/цукы- и адыгский постпозитивный член шъуэ-, фэ- в разбираемых сложных словах несут тождественную функцию и в семантическом плане. Отнесение адыгского постпозитивного члена шъуэ-, фэ- к суффиксам означало бы отнесение абхазского препозитивного члена /а/цукы- к префиксам. Однако подобное решение вопроса лишено доказательной силы. И не случайно, что никто из специалистов по абхазскому языку не считает первый компонент этих слов /а/цукы- 'цвет, кожа' префиксальным элементом. Иное дело — какой порядок строения анализируемых сложных слов является исходным. Исходность абхазской /абазинской/ модели не исключает возможности отнесения адыгской модели к эпохе общеадыгского единства, поскольку она /модель/ представлена во всех адыгских диалектах.

Представляется малоубедительным мнение, что в словах типа каб. дахэкуыпсэ 'чернокорень', каб. гъуэжъуы³нэ 'желтуха', букв. 'желтая болезнь', дыджыпс 'Диджипс', букв. 'горькая вода' препозитивные члены /основы/ дахэ 'красивый', гъуэжъ 'желтый', дыджы 'горький' взяты в субстантивном или относительно-определительном употреблении. Не меняет также сути дела предположение о том, что "просто произошла перестановка компонентов" Дахэлсынэ /название села/. Кстати, мнение о том, что "просто произошла перестановка компонентов" пришлось бы распространить и на другие сложные слова; ср. дахэтхэмпы⁴ 'белена', адыг. дахэуыжъы 'ласка' /животное/ и др. Кроме того, и это самое важное, от того, что просто или непросто произошла перестановка компонентов, первые части разбираемых сложных слов не перестают быть препозитивными основами качественных прилагательных.

То же следует сказать и в случае, если сложное слово создано по иноязычной модели. Как сложные слова типа каб.

хуыжъыдзэ 'белая армия', так и словосочетания типа мозд. памццэ кы́амэ 'острый кинжал', хуыжъ бонцей 'белое платье', жъжэ тццыпцэ 'далекое место' /Куашева, 1969, 160/, возможно, обусловлено влиянием русского языка. Однако независимо от того, являются ли внешними или внутренними факторы, обусловившие изменение порядка их компонентов, препозитивный член остается основой качественного прилагательного /в сложном слове/ или просто качественным прилагательным /в словосочетании/. Важен итог — препозитивное употребление основы качественного прилагательного в сложном слове или качественного прилагательного /т.е. слова/ в словосочетании. А чем вызвана перестройка традиционной структуры сложного слова или словосочетания — влиянием другого языка или факторами внутрисистемного характера — не имеет никакого значения для определения статуса первых компонентов приведенных сложных образований. Главное, что налицо препозитивное употребление основы качественного прилагательного или самого прилагательного.

Более того, в отношении словосочетаний типа памццэ кы́амэ 'острый кинжал', хуыжъ бонцей 'белое платье' следует сказать, что подобные синтаксические конструкции не могли бы удержаться в языке /говоре/, если бы они были совершенно несовместимы с внутренними возможностями языка. Вообще язык /диалект, говор/ может удержать или заимствовать лишь такую синтаксическую конструкцию, которая в какой-то мере соответствует его потенциальным возможностям /Sorensen, 1957/. Это положение распространяется также на калькированные сложные слова, в основе которых лежат синтаксические конструкции — определительные словосочетания. Не говоря уже о других данных, о таких внутренних потенциальных возможностях адыгских языков красноречиво свидетельствует сосуществование двух моделей — типа адыг. зыуы 'один дом', уынытццу 'два дома', где количественное числительное зы 'один' сохраняет исходную синтаксическую позицию, являясь препозитивным членом, а количественное числительное тццу 'два' стало постпозитивным членом.

Показательны данные убыхского языка, допускающего перестановку компонентов сложного слова и словосочетания.

Причем в этом языке инновации, связанные с порядком определительных сложных слов и словосочетаний, довольно разнообразны. Это позволяет прийти к выводу об относительной неустойчивости порядка следования их компонентов. Ср., например: ц1аста 'козочка', букв. 'молодая коза' /ср. ц1а 'молодой, новый', ст1а 'коза'/, но шьасац1а 'молодая невестка' /ср. шьаса 'невестка, сноха', ц1а 'молодой'/. Как видно, ц1а 'молодой, новый' занимает разные позиции: в первом случае он оказывается препозитивным членом, во втором — постпозитивным. В убыхском нередко случаи варьирования порядка следования компонентов сложного слова /или словосочетания/. Ср., например, шьуальч1агъа 'кальсоны', букв. 'белые брюки' /шьуа 'белый' + лъач1агъа 'брюки, штаны'/, лъач1агъашуа 'кальсоны', букв. 'белые брюки' /лъач1агъа 'брюки, штаны' + шьуа 'белый'/, гъыбатуа букв. 'золотая лодка' /гъыба 'лодка, корабль' + туатуа 'золото, золотой'/, туатуагъа букв. 'золотая лодка' /туатуа 'золото, золотая' + гъыба 'лодка, пароход'/.

Общеизвестно, что в истории картвельских языков порядок членов определительного словосочетания оказался неустойчивым. В специальной литературе по этому вопросу существуют разные мнения. Одни исследователи считают, что диахронически нормой является препозитивное употребление определяемого слова /*kaçi ketili* 'человек добрый'/, другие, напротив, стоят на точке зрения, согласно которой исходным рассматривается препозитивное употребление определяющего слова. Однако независимо от того, какое распределение членов определительного словосочетания является исходным, в истории картвельских языков в целом отмечается подвижность порядка следования членов определительного словосочетания /Климов, 1955/. Материал картвельских языков лишний раз подтверждает несостоятельность мнения о невозможности изменения исходной постпозиции качественного определения в адыгских языках. Заметим,

что рассматриваемое явление находит широкие типологические параллели во многих других языках. В частности, из истории ряда индоевропейских языков известно изменение исходного порядка расположения компонентов сложных слов и словосочетаний /Савина, 1964/.

После завершения работы над этой монографией появилась интересная статья Г.В.Рогова, полностью поддержавшего положение об исходности атрибутивного словосочетания с препозитивным определением в истории абхазско-адыгских языков. В этой связи автор пишет: "Пережиточно этот исходный строй сохранился в некоторых окаменелых выражениях и особенно топонимике" /Рогова, 1987, 13/. В качестве примеров Рогова приводит образования типа абх. кьӏапы матуала 'красная одежда', адыг. гъуэпсы 'сукровица' /букв. 'желтая вода'/ и др.

В заключение следует сказать, что в адыгейском, кабардинском и убыхском языках сложные образования с препозицией качественного прилагательного разнородны по составу и происхождению. Хронологически они восходят к разным периодам истории развития этих языков. Одни из них относятся к поздним инновациям, т.е. к периоду самостоятельного существования адыгейского, кабардинского и убыхского языков, другие же — к более ранним хронологическим эпохам. Как отмечалось, к общеадыгскому состоянию восходит модель: основа качественного прилагательного + основа существительного шъуэ /адыг./ + фэ /каб./. Если принять во внимание тот факт, что эта модель представлена и в убыхском языке, причем в качестве второго компонента выступает общеадыгско-убыхская основа /в значении 'кожа, цвет'/, то эта модель может быть отнесена к более ранним хронологическим эпохам. Однако этот вопрос требует более тщательной разработки, так как не исключена возможность, что в убыхском образования типа шъуацуа 'светловатый, беловатый' появились под влиянием общеадыгской модели. Но это не меняет положения дела в синхронном плане: в языке функционирует модель с препозицией основы качественного прилагательного, независимо от того, является ли она продуктом языко-

вых контактов или появилась в результате внутреннего развития самого убыхского языка. О влиянии адыгских языков на убыхский не может быть речи в отношении сложных образований с препозицией основы качественного прилагательного типа ц1аст1а 'козочка', ш1уальч1агъа 'кальсоны' и др.

К общеадыгскому состоянию, по-видимому, могут быть отнесены некоторые топонимические термины типа Гъуэпсы букв. 'желтая вода', Дыджыпс /← *Дыгыпс← *Дыгыпсы/ букв. 'Горькая вода' и др. Часть сложных слов разбираемого типа образована в более позднюю эпоху. Так, дэхэкупсэ 'черно-корень', дэхэтхэмтэ 'белена' и др. — кабардинские новообразования; ш1уыгуащэ 'теща', ш1уыпшы 'тесть' и др. — адыгейские новообразования; ш1альч1агъа 'кальсоны' и др. — убыхские новообразования.

Итак, из всего изложенного вытекает, что в адыгских языках /как и в убыхском/ представлена группа атрибутивных единиц с препозицией качественного прилагательного, относящихся к различным хронологическим уровням. Приведенный материал также показывает, что в изменении исходной грамматически значимой /фиксированной/ постпозиции или препозиции компонента словосочетания и сложной лексемы нет ничего необычного, что нельзя было бы объяснить внутренними потенциальными возможностями рассматриваемых языков. Кроме того, разбираемое явление находит широкие типологические параллели в языках различных систем.

В. Модель "относительное прилагательное + существительное", свойственная современным адыгским языкам, унаследована от праязыкового состояния: непэрэ маф 'сегодняшний день' /мафэ 'день'/, каб. нэгъэбэрей мэкълу 'прошлогднее сено' /мэкълу 'сено'/.

Относительные прилагательные занимают препозицию и в других родственных языках: абх. ахъахут1уы шуны 'каменный дом' /аууны 'дом'/, абаз. ц1ыпхч1уи гуадэ 'прошлогдняя пшеница' /гуадэ 'пшеница'/ . Однако следует отметить, что относительное прилагательное — новообразование в западнокавказских языках, относящееся к периоду их са-

мостоятельного развития. Во всяком случае, нет ни одной общей словообразовательной модели относительных прилагательных, восходящей к эпохе западнокавказского языкового единства. Отсюда вытекает, что синтаксическая модель "относительное прилагательное + существительное" не идет глубже общеадыгского или общеабхазского хронологического уровня. Показательно, что в убыхском языке вообще отсутствуют словосочетания разбираемого типа, что лишний раз подтверждает их инновационный характер в абхазско-адыгских языках. Исторически модель "относительное прилагательное + существительное" образована на базе разных типов словосочетаний. В адыгских языках словосочетания типа адыг. непэрэ маф 'сегодняшний день', нэгъэбзрей мэкълу 'прошлогоднее сено' созданы на базе словосочетаний типа "наречие + существительное". То же можно сказать о словосочетаниях типа абх. айхъатлуы каруат 'железная кровать', абаз. апхъачлуи глуычлуиуыс 'старомодный человек', образованных на основе словосочетаний типа "существительное + существительное", "наречие + существительное". Характерно, что в абхазско-адыгских языках сосуществуют исходные и производные /новые/ синтаксические модели. Ср. каб. дыгъуасэ махуз, дыгъуэсэрей махуз 'вчерашний день', нобэ зэман, нобэрей зэман 'сегодняшнее время'.

3. ГЛАВНЫЙ И ЗАВИСИМЫЙ ЧЛЕНЫ - СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Этот тип атрибутивных словосочетаний состоит из препозитивного определяющего и постпозитивного определяемого членов. Ср. адыг. тыжын бгырых 'серебряный пояс' /бгырых 'пояс'/, каб. дыгъэ шлыу 'золотая пуговица' /шлыу 'пуговица'/, адыг. мыжъуэ шлуэмыч1 'каменный уголь' /шлуэмыч1 'уголь'/, каб. пхъэ гуахъуэ 'деревянные вилы' /гуахъуэ 'вилы, вилка'/.

С точки зрения синтаксического строения /порядка расположения компонентов/ рассматриваемого типа словосочетания адыгские языки объединяются с другими западнокавказскими языками: убых. лакъя быша 'каменный утес', абх.

ахьахьу шунь 'каменный дом', абаз. айхьа чуартагъу 'железная кровать'. Нет сомнений в том, что атрибутивное словосочетание "главный член — постпозитивное существительное, зависимый — препозитивное существительное", характерное для всех западнокавказских языков и их диалектов, унаследовано от праязыкового состояния. Эта древняя модель словосочетания лежит в основе рассмотренного типа "относительное прилагательное + существительное". Функционирование в языке вариантных моделей типа абх. ахьахьу шунь, ахьахьу-тлу шунь 'каменный дом', абх. каруат, айхьатлу каруат 'железная кровать' свидетельствует лишь о начатках формирования относительных прилагательных и соответственно новой синтаксической модели словосочетания на базе древней модели, восходящей к эпохе западнокавказского языкового единства. Заметим, что сам процесс образования новой синтаксической модели словосочетания на базе старой /западнокавказской/ модели из двух имен существительных протекает с разной степенью интенсивности в абхазско-адыгских языках. В адыгских языках вообще невозможна модель типа абх. ахьахьу-тлу шунь 'каменный дом' вместо исходной модели типа айхьахьу шунь 'каменный дом', так как на относительные прилагательные накладываются строгие лексические ограничения. Поэтому в адыгских языках определительные словосочетания, состоящие из двух имен существительных, не имеют нового варианта типа "относительное прилагательное + существительное", как это встречается в абхазском языке. Характерно, что в этом отношении абхазский язык отличается не только от адыгских языков, но и от абазинского языка, оказавшегося наиболее консервативным в смысле формирования вариантных синтаксических моделей определительных словосочетаний. В абазинском языке /как и в адыгских и убыхском/ для определительных словосочетаний, состоящих из двух имен существительных /абаза кыт 'абазинский аул', уарба пынцда 'орлиный нос'/, не характерен новый вариант синтаксической модели "относительное прилагательное + существительное".

4. ГЛАВНЫЙ И ЗАВИСИМЫЙ ЧЛЕНЫ СВЯЗАНЫ ПОСЕССИВНЫМ АФФИКСОМ

Определительные словосочетания этого типа характеризуются фиксированным порядком компонентов: главный член, выраженный посессивной формой имени существительного, занимает постпозицию, зависимый — препозицию: адыг. л1ыжъым йыпайуэ 'шапка старика', каб. хьыджэбзым йытхылъ 'книга девушки'. Определительные словосочетания из двух существительных, связанных между собой посессивным аффиксом, свойственны всем западнокавказским языкам. При этом общим для всех западнокавказских языков является порядок следования компонентов: абх. аб йыхьылпа 'шапка отца', абаз. аджыч1у абгъы 'лист дуба'.

Рассматриваемая модель словосочетания, широко распространенная во всех западнокавказских языках, бесспорно, восходит к их праязыковому состоянию. Другое дело — разновидности этой модели, относящиеся к поздним хронологическим уровням. Оформление препозитивного члена /определения/ падежным аффиксом /окончанием эргатива/ — адыгско-убыхское новообразование. Поскольку формативы эрг. падежа в убыхском и адыгских языках возникли в эпоху их индивидуального развития, падежная форма препозитивного члена словосочетания — продукт самостоятельного развития убыхского и общеадыгского языков.

Более того, на оформление определительного члена падежным аффиксом накладываются лексические ограничения, что свидетельствует о незавершенности процесса становления определения, выраженного формой эрг. падежа. Ср. адыг. Зузэ йыджан 'платье Зузы', каб. Азэмэт йыш 'конь Азамата'. Неоформленность падежным аффиксом определительного члена словосочетания, выраженного личным именем, — общеадыгское явление. Отсюда можно сделать вывод, что в отношении падежной формы определительного члена разбираемого типа словосочетаний, современные адыгские языки продолжают состояние общеадыгского языка, характеризующегося вариативностью

оформления падежа препозитивного определения в зависимости от лексических ограничений. Заметим, что в группу неоформленных падежным аффиксом определений попадают не только личные имена, но и другие разряды слов, например, топонимические названия и др.: каб. Тэрч йылуыфэ 'берег Терека'. Лексические ограничения, накладываемые на грамматическое /падежное/ оформление препозитивного определения, многообразны в адыгских языках, что связано с природой эргатива, незавершенностью его становления, вариативностью его функционирования, экспрессивностью и стилистической маркированностью падежной формы /Кумахов, 1971, 101-129/.

5. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН - СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ЗАВИСИМЫЙ - МЕСТОИМЕНИЕ

Определительные словосочетания с притяжательными местоимениями в роли зависимых членов отсутствуют в адыгских /и других западнокавказских/ языках. Синтаксическим единицам /словосочетаниям/ типа рус. 'мой дом', англ. *my book*, франц. *mon pere* в западнокавказских языках функционально соответствуют грамматические единицы /посессивные формы/ типа адыг. сиуын 'мой дом', каб. ситхыль 'моя книга', убых. сыту 'мой отец', абх. свуыза 'мой друг', абаз. спа 'мой сын', унаследованные от праязыкового состояния. В западнокавказских языках существуют другие типы определительных словосочетаний с местоимениями в роли зависимых членов.

А. З а в и с и м ы й ч л е н — у к а з а т е л ь н о е м е с т о и м е н и е: адыг. мы ч1алэр 'этот парень', мо шыуызыр 'та женщина', каб. мы хэкуыр 'эта страна', мо мэзыр 'тот лес'. Во всех абхазско-адыгских языках указательные местоимения, противопоставляемые друг другу по признаку "близкий - далекий", выступают препозитивным членом словосочетания. Ср. убых. йытыт 'этот человек', уа-тыт 'тот человек', абх. ари ашуны 'этот дом', ани ашуны 'тот дом'. Хотя морфологическое оформление указательных местоимений относится к эпохе после распада западнокавказского языкового единства, анализируемая синтаксическая

модель, характеризующаяся единым и фиксированным порядком компонентов, может быть отнесена к праязыковому состоянию.

Б. З а в и с и м ы й ч л е н — о п р е д е л и т е л ь н о е м е с т о и м е н и е. По своему синтаксическому строению различаются разные модели словосочетаний разбираемого типа. Имеются словосочетания с твердым и свободным порядком слов. Словосочетания с твердым /фиксированным/ расположением компонентов делятся на две разновидности: с препозитивным зависимым членом; с постпозитивным зависимым членом: адыг. сыдрэ 1уэфи 'любое дело' /сыдрэ 'любой, всякий'/, мафэ ккъэс 'каждый день' /ккъэс 'каждый'/, каб. дуней псор 'весь мир' /псо 'весь, все'/. Среди словосочетаний, характеризующихся свободным порядком компонентов, выделяются стилистически нейтральные и актуализированные варианты. Ср. каб. цыхуыр зэч1э, зэч1э цыхуыр 'все люди' /стилистические варианты/ цыхуыр зэч1э мэлажэ, зэч1э цыхуыр мэлажэ 'все люди работают'; йзы ш1алэр 'сам парень', но ш1алэр езыр 'парень сам' /актуализированный вариант/.

Рассматриваемые словосочетания с фиксированным и свободным порядком слов, встречающиеся во всех современных адыгских диалектах, без каких-либо натяжек можно приписать общеадыгскому языку. В то же время формирование некоторых определительных местоимений в период индивидуального развития адыгских языков свидетельствует о том, что часть словосочетаний разбираемого типа относится к поздним инновациям. Сюда входят, например, словосочетания с относительными местоимениями типа адыг. сыдрэ, хэтрэ 'любой, всякий, каждый' и др., сложившиеся на адыгейской почве.

Что касается отношения общеадыгских моделей словосочетаний с зависимыми членами определительных местоимений более ранним хронологическим уровням, то инновационный характер определительных местоимений в западнокавказских языках не позволяет реконструировать общие для всей языковой группы словосочетания с генетически тождественным зависимым членом. Однако это не означает, что сама синтаксическая модель /словосочетания, состоящие из существительно-

го в роли стержневого слова и определительного местоимения в роли зависимого члена/ могла возникнуть лишь в период самостоятельного существования западнокавказских языков.

В. З а в и с и м ы й ч л е н — н е о п р е д е л е н н о е м е с т о и м е н и е : адыг. хьачлэ гуэрэ 'какой-то', каб. цыху гуэр 'какой-то человек'. Порядок расположения /"существительное + неопределенное местоимение"/ не знает исключения, т.е. всегда остается фиксированным. Словосочетание с зависимым местоимением гуэрэ /адыг./, гуэр /каб./ 'какой-то, некий' имеет синонимический вариант с препозитивным зы 'один', употребляющимся в значении неопределенного артикля: каб. зы уынэ гуэр — уынэ гуэр 'какой-то', зы фыз гуэр — фыз гуэр 'какая-то женщина'. Оба синтаксических варианта — "существительное + гуэр /гуэрэ/", "лексически избыточное зы + существительное + гуэр /гуэрэ/" — ,бесспорно, восходят к общеадыгской эпохе.

В убыхском языке также представлены словосочетания с зависимым неопределенным членом гуара: за тьт гуара 'какой-то человек'. Если зависимый определительный член гуара считать исконным в убыхском, то словосочетания типа адыг. зы цыф гуэрэ, каб. зы цыху гуэр, убых. за тьт гуара 'какой-то человек' могут быть возведены к адыгско-убыхскому хронологическому уровню. Однако не исключено, что в убыхском гуара заимствовано из адыгейского и под влиянием последнего создана синтаксическая модель за "'один' + существительное + гуара". Характерно, что постпозитивный член гуэрэ /адыг./, гуэр /каб./, гуара /убых./ может чередоваться с нулем, если имени существительному предшествует зы /адыг., каб./, за /убых./ 'один', что и создает синонимический ряд из трех вариантов: адыг. зы цыф — зы цыф гуэрэ — цыф гуэрэ, каб. зы цыху гуэр — цыху гуэр, убых. за тьт — за тьт гуара — тьт гуара 'какой-то человек'. Если даже в убыхском языке образование двух синонимических вариантов — за тьт гуара и тьт гуара 'какой-то человек' объяснить влиянием адыгейского языка, то все же остается бесспорным, что вариант за тьт 'какой-то человек' являет-

ся исконно убыхским. Отсюда ясно, что во всех трех этих языках модель "препозитивное зы /за/ + существительное", где первый член, как и во многих других языках в той же позиции, выступает в функции неопределенного местоимения /или артикля/ и восходит к адыгско-убыхскому уровню.

Сближение адыг. гуэрэ, каб. гуэр, убых. гуара с абх. абаз. -к1ы в абх. ак1ы, абаз. за-к1ы 'один /Халбад, 1975, 25/, естественно, предполагает отнесение разбираемого типа словосочетаний к более раннему хронологическому уровню, т.е. позволяет считать их унаследованными от западнокавказского языкового состояния. Однако указанное сближение, как отмечалось, с фонетической точки зрения наталкивается на серьезные трудности из-за изолированности соответствия общеадыгского гу абхазско-абазинскому к1 /если даже гуара в убыхском отнести к адыгизмам/.

6. СЛОВСОЧЕТАНИЯ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ПРИЧАСТИЯ

Многообразие синтаксических моделей рассматриваемого типа словосочетаний обусловлено грамматическим и функциональным строением причастий. Последние имеют субъектные, объектные и обстоятельственные формы, что и определяет не только грамматические отношения между членами словосочетания, но и их лексический состав. Наряду с двукомпонентными словосочетаниями типа адыг. шыс к1алэр, каб. шыс ш1алэр 'сидящий юноша', адыг. ккьэк1уэгъэ пшыашьэр, каб. кь1эк1уа пшыашьэр 'пришедшая девушка' имеются многокомпонентные словосочетания типа адыг. тхылъм еджэрэ пшыашьэр, каб. тхылъм еджэ пшыашьэр 'девушка, читающая книгу'.

Мы отмечали, что основные разряды причастий образованы в эпоху общеадыгского языкового единства, что, естественно, предполагает отнесение синтаксических моделей словосочетаний с причастными формами к праязыковому состоянию. Более того, есть известные основания постулировать некоторые модели словосочетаний с причастиями для бо-

лее ранних хронологических эпох. Так, для всех западнокавказских языков характерны словосочетания "существительное в обстоятельственной форме + причастие". Ср. адыг. шэу зытесыр, каб. шыуз зытесыр, убых. чыны адыбгъасы, абх. чы д-зыкут1уау 'лошадь, на которой он сидит'.

Порядок слов зависит от формы причастия и строения словосочетания. Так, если каб. уынэ зыш1а 'построивший дом' имеет фиксированное расположение членов /существительное предшествует причастию/, то трехкомпонентное словосочетание уынэ зыш1а ш1алэр букв. 'дом построивший парень' имеет вариантную модель ш1алэ уынэ зыш1ар букв. 'парень, дом построивший'. Субъект действия, выраженный именем существительным ш1алэ 'парень', может быть препозитивным и постпозитивным, но он не может быть срединным /медialным/ членом: в значении уынэ зыш1а ш1алэ /ш1алэ уынэ зыш1а/ 'парень, построивший дом' невозможен вариант уынэ ш1алэ зыш1а, т.е. на подлежащее также накладываются синтаксические ограничения.

Варьирование синтаксических моделей словосочетаний, включающих причастные формы, проявляется неодинаково в адыгских языках. Так, в адыгейском языке словосочетание ккысэжэрэ ц1ыфы 'ждущий меня человек' имеет синонимический вариант ц1ыфэу ккысэжэрэр букв. 'человек, который меня ждет', где препозитивный член выражен формой на -у. В кабардинском языке наряду с указанными двумя вариантами возможен и третий: ккызэжэ ц1ыхуыр - ц1ыхуу ккызэжэр - ц1ыху ккызэжэр 'ждущий меня человек'. Ср. также адыг. ккэк1уэгъэ шыузыр - шыузэу ккэк1уагъэр, каб. кы1эк1уа фызыр - фызу ккэк1уар - фыз ккэк1уар 'пришедшая женщина'. Увеличение синтаксических моделей за счет варианта "имя существительное в нулевой форме + причастие" /ц1ыху ккызэжэр 'человек, который меня ждет', фыз ккэк1уар 'женщина, которая пришла'/, по-видимому, следует отнести к новообразованиям, в то время как две другие синтаксические модели восходят к общеадыгскому единству. В пользу этого говорит то обстоятельство, что и в кабардинском языке, где сосуществуют три синонимические синтаксические моде-

ли, третий вариант нередко является экспрессивным, констатиивно обусловленным. Так, в отличие от стилистически нейтральных вариантов лӕр зыдэкӕуэ мӕзыр, мӕзу лӕр зыдэкӕуэр 'лес, куда идет мужчина' третий вариант мӕз лӕр зыдэкӕуэр явно обусловлен констатиивно и носит не только ареальный, но и инновационный характер.

Заметим также, что на варьирование модели словосочетания накладываются и семантические ограничения. Так, приведенный вариант шӕлӕ уынӕ зышӕр 'парень, дом построивший' не только констатиивно обусловлен, но и семантически многозначен: в зависимости от контекста он может иметь и значение 'тот, кто построил молодежный дом /дом для молодых людей/'. В этом случае выделяется атрибутивное сочетание шӕлӕ уынӕ /шӕлӕ определяющее слово, уынӕ определяемое слово/, в то время как в шӕлӕ уынӕ зышӕр в значении 'парень /молодой человек/, построивший дом' между членами шӕлӕ уынӕ отсутствуют определительные отношения. Но многозначность, точнее — омонимичность, словосочетаний определяется и лексическими особенностями их компонентов. Отсюда от общеадыгских моделей типа уынӕ зышӕр шӕлӕр, шӕлӕу уынӕ зышӕр 'парень, построивший дом' не всегда возможны трансформы типа шӕлӕ уынӕ зышӕр, что лишний раз подтверждает инновационный характер третьей /кабардинской/ модели: например, фызыр зыдэкӕуэ кӕуажӕр, кӕуажӕу фызыр зыдэкӕуэр 'селение, куда идет женщина', но кӕуажӕ фызыр зыдэкӕуэр 'куда идут сельские женщины'.

Вообще семантика словосочетания, его экспрессивные и актуализованные варианты, морфологические и синтаксические причины, обуславливающие его грамматическую и стилистическую коннотацию, изучены очень слабо в адыгских языках, что в значительной мере затрудняет определение поздних синтаксических моделей разных типов словосочетаний. Это касается не только словосочетаний, включающих причастные образования, но и других типов словосочетаний. Но словосочетания с причастными формами отличаются крайним многообразием своего строения, широкими возможностями варьирования, сосуществованием общеадыгских, адыгейских и кабардинских моделей.

7. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН - ГЛАГОЛ, ЗАВИСИМЫЙ - СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Данный тип словосочетания относится к наиболее распространенным в адыгских языках. Словосочетания с зависимым существительным выражают объектные, пространственные, временные и другие отношения. Своеобразие глагольных словосочетаний в адыгских /да и вообще в западнокавказских/ языках состоит в том, что глагол, включающий в свой состав субъектные, объектные, обстоятельственные и другие грамматические аффиксы, создает в функциональном плане предложение, если даже отсутствует подлежащее — один из ядерных членов предложения: адыг. уысэлэгъуы 'я тебя вижу', каб. сыпхуэльэ1уыншь 'я буду его просить для тебя'. В таких словоформах не только выражена предикация, но морфологически подлежащее и дополнение, хотя их отсутствие как членов предложения приводит к контекстуальному эллипсису.

Синтагмы типа адыг. уынэ сэшын 'дом строю', каб. бостей уод 'платье шьешь' имеют очень широкое распространение, практически составляя открытый список. В синтагмах разбираемого типа дополнение /прямое или косвенное/, выраженное существительным /и не только существительным/ занимает обычно препозицию. В этом отношении адыгские языки объединяются с другими западнокавказскими языками: абх. ахьуч1ы дсаадзоит1 'ребенка воспитываю', ашукь1у уапхь-оит1 'книгу ты /мужчина/ читаешь'. Изменение порядка членов синтагмы возможно во всех западнокавказских языках. В адыгских языках обратный порядок /"сказуемое + дополнение"/ создает инверсию, приобретает стилистическую коннотацию: каб. уод бостей 'шьешь платье', солъагъу уафэр 'вижу небо', совэ ш1ыр 'пашу землю'. Можно предположить, что относительно свободный порядок расположения членов рассматриваемого типа словосочетания восходит не только к общеадыгской эпохе, но и к более ранним хронологическим уровням: абх. ахьуч1ы дсаадзоит1, дсаадзоит1 ахьуч1ы 'воспитываю ребенка'.

На базе словосочетаний с зависимым именем существительным образовано значительное число устойчивых словосо-

четаний типа адыг. уэрэд ккье1уэ, каб. уэрэд жэ1э 'поет', букв. 'песню говорит', адыг. гуыр рехы, каб. гуыр йырах 'пугает' букв. 'сердце вынимает', адыг. п1ц1ы йэуысы, каб. п1ц1ы йэуыпс 'обманывает', букв. 'ложь сочиняет' и др. Заметим, что подобные идиоматические выражения, функционально эквивалентные слову, лишний раз подтверждают исходность и стилистическую нейтральность препозиции дополнения в анализируемых словосочетаниях, хотя варьирование их строения в составе предложения широко используется в коммуникативных целях, т.е. для создания единиц актуального членения предложения.

Варьирование глагольных словосочетаний с зависимым существительным создается не только синтаксической инверсией, но и разнообразием грамматических форм именного компонента: каб. 1эр йэубыд 'руку берет', 1эм йырельхьэ 'в руку кладет', 1эч1э йэш1 'рукой делает', йы1эхэр йэк1уыз 'его руки жмет'. В основу классификации глагольных словосочетаний языков различных типов обычно кладется форма падежа именного /зависимого/ компонента. Но в западнокавказских языках указанный признак является вторичным и ареальным, поскольку вторична и ареальна категория падежа. Для праязыкового/западнокавказского/состояния реконструируются глагольные словосочетания с зависимым членом в грамматически неоформленной или посессивной форме, в то время как падежное оформление зависимого члена — ареальное /адыгско-убыхское/ новообразование.

8. ГЛАВНЫЙ ЧЛЕН — ГЛАГОЛ, ЗАВИСИМЫЙ — НАРЕЧИЕ

Глагольные словосочетания с наречиями семантически разнообразны: в роли зависимого члена выступают наречия места, времени, образа действия и др. Разнообразны разбираемые словосочетания и в синтаксическом плане в силу того, что позиция зависимого члена бывает свободной и фиксированной.

Так, адыг. тэ, тьдэ, каб. дэңэ 'куда, откуда, где' в т синтагмах типа адыг. тэ уык1уэрэ?, каб. дэңэ уык1уэрэ?

'куда идешь?' имеет постоянное место, являясь препозитивным членом. Ср., варьирование позиции того же наречия в сочетании с причастиями: каб. дэнэ уыздэклиуэр? — уыздэклиуэр дэнэ? 'куда идешь?', дэнэ уышыпсоур? — уышыпсоур дэнэ? 'где живешь?' Как видно, на синтаксическую позицию наречия накладываются лексические ограничения. Иначе обстоит дело с наречиями времени типа адг. тыгъуас, каб. дыгъуасэ 'вчера', адг. неуышь, каб. пшэдей 'завтра', адг. нычэпэ, каб. ныжэбэ 'этой ночью' и др. Подобные наречия обычно являются препозитивными в сочетании с глаголом: адг. неуышь маклуэ 'завтра идет', каб. дыгъуасэ слъэгъуашъ '/я/ видел вчера'. Однако в отношении этой группы возможна синтаксическая конверсия: каб. ныжэбэ кылоклуэ — кылоклуэ ныжэбэ 'этой ночью приходит'. Ср. абх. йахъа даауент1 — даауент1 йахъа 'сегодня придет'. То же можно сказать о других разрядах наречий /неопределенных, наречий образа действия и др./, характеризующихся относительно свободной синтаксической позицией в сочетании с главным членом словосочетания — глаголом. Как и в других типах словосочетаний, изменение синтаксической позиции зависимого /или главного/ члена в глагольных словосочетаниях с наречиями создает не только стилистическую коннотацию, но и коммуникативную единицу актуального членения предложения.

Анализ материала показывает, что как все основные модели глагольных словосочетаний с зависимым наречием, так и указанные выше особенности, связанные с синтаксической позицией компонентов, унаследованы современными адгскими языками от их праязыкового состояния. Новообразования, в сущности, не затрагивают синтаксиса глагольных словосочетаний с зависимым наречием, а касаются лексики и отчасти морфологии. В частности, словосочетания с зависимыми наречиями типа адг. мафэрэ 'днем', чэшырэ 'ночью' отсутствуют в кабардинском языке. Нет оснований утверждать, что в кабардинском языке исчезли наречия типа адг. мафэрэ 'днем', чэшырэ 'ночью', хотя старая форма бэрэ 'много' образована с помощью того же общеадгского суф. -рэ,

что и адыг. мафэрэ 'днем', чэшырэ 'ночью'. Скорее всего, в кабардинском языке общеадыгский суф. -рэ не получил такого распространения, как это имеет место в адыгейском языке.

9. СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ПОСЛЕЛОГАМИ

Словосочетания с послелогоми выражают пространственные, временные, причинно-целевые и другие отношения: адыг. уынэм дэж шьысы 'сидит у дома', каб. ныжэбэ лъандэрэ йожьэ 'всю ночь ждет', адыг. пшъашъэм пайэ йэш1ы 'делает для /ради/ девушки', каб. нарт гуыгъу йэш1 'рассказывает о нартах'. адыг. ашь пэмьч1 слъэгъуыгъэп 'кроме него, я не видел', каб. л1ыжъым йыпашъхъэм йытшъ 'стоит перед стариком'.

Многие послелогии восходят к эпохе общеадыгского единства, что и предполагает отнесение словосочетаний с послеложными словами к общеадыгскому праязыку. Вместе с тем не вызывает сомнений и тот факт, что сама синтаксическая модель, т.е. словосочетания с послелогоми могут быть возведены к более ранним хронологическим эпохам. Об этом свидетельствует наличие послеложных конструкций во всех западнокавказских языках. Нет оснований полагать, что все послеложные конструкции возникли в эпоху самостоятельного развития трех ареалов — адыгского, убыхского и абхазского, хотя сами послелогии сложились в основном именно в эту эпоху. Во всех западнокавказских языках действует общая тенденция — развитие послелогов на базе семантически однотипных лексем, в том числе названий частей тела и организма. Более того, в таких послелогох, как адыг. апэ, каб. йапэ, абх. апхъба, абаз. апахъ в значении 'перед, впереди' и др., участвует генетически общий корневой элемент п-, представленный в адыг., каб. пэ, абх., абаз. /а/пынц1а 'нос'.

Послеложные словосочетания во многих случаях восходят к атрибутивным /или посессивным/ конструкциям. Ср., например, адыг. пстэуми апэ йытэу к1уэшьтыгъэ, абх. уи зегъ

рапхъа днейуан 'он ехал /шел/ впереди всех', где адыг.

апэ, абх. рапхъа возводятся к посессивной форме.

Вообще переход атрибутивных словосочетаний в послеложные связан с лексико-семантическими и синтаксическими изменениями, трансформацией композитных слов в послелог, что делает границы между ними не всегда четкими и резко очерченными /Кумахов, 1964, 246/.

Расхождения между адыгскими языками в построении послеложных словосочетаний проявляются на уровне лексики и отчасти грамматики. Так, употребительные в кабардинском языке послелог лъандэрэ, пiшлондэ, выражающие временные отношения, не характерны для адыгейского языка, а адыгейские послелог пайэ, фэш1 'для, ради, за, из-за' отсутствуют в кабардинском языке. Подобные расхождения между современными адыгскими языками, относящиеся к периоду их самостоятельного развития, естественно, порождают различия в лексическом составе послеложных словосочетаний.

Лексическое и грамматическое варьирование послеложных словосочетаний чаще всего обусловлено строением послелогов, характеризующихся лексической и грамматической синонимией: адыг. ашь пайэ /пайэч1э/, ашь фэш1, каб. абы папiш1э /папiш1эч1э/, абы шъхъэч1э 'для него, ради него'. Широкое распространение вариативных послеложных конструкций в современных адыгских языках и диалектах дает основания полагать, что далеко не всегда варьирование словосочетания является поздней инновацией. Так, лексико-синтаксическая синонимия послеложных конструкций, связанная с продуктивным типом чередования суф. -ч1э с -м /или с нулем/ в послелогах /ср. каб. зауэм йыпэч1э, зауэм йыпэм, зауэм йыпэ 'перед войной'/, бесспорно, не во всех случаях можно объяснить параллельным развитием в период после распада общеадыгского языкового единства. Ср. также вариативные послеложные конструкции типа каб. пшъашъэм деж, пшъашъэм йыдеж 'у девушки, к девушке', цыхухэм деж, цыхухэм йадеж 'у людей, к людям'.